

³⁹ Бутанаев В. Я. Этническая история хакасов в XVII—XIX вв. С. 30.

⁴⁰ Сердобов Н. А. История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971. С. 99—103; Худяков Ю. С. Указ раб., и др.

On the «Khakas» Ethnonym

The academic discussions on the question of the Khakas ethnonym began only in the Soviet period, due to the fact that the local intelligentsia accepted the term «Khakas» from literature on Chinese chronicles to designate the aboriginal population of the Middle Yenisei Valley. The Khakas themselves in their spoken language use the term «Тадар».

Most Soviet scholars consider that the term «Khyagas» from Chinese chronicles of the Tan period is the name of the Kirghiz state. The author agrees with this opinion.

The ethnonym «Khachinets» («Khaasch») has a later origin in Khakasia, being an inaccurate rendering of the original term «Khaschha». Because of this, the most important point in Kyzlasov's conception of the local origin of the term «Khaygas» appears to be a mistake. The investigation of the genuine areas of diffusion of the ethnonym «Khaash» proves that scholars are right to link the term with the Samodic population of Eastern Sayan.

The formation of the Khakas ethnos was a long process, which might be divided into several periods:

- 1) the Kirghiz, linked to the Kirghiz State (VI—XIII c.);
- 2) the period of formation and development of an ethnosocial unit known as Khongorai—Khoorai (XIV—XVIII c.);
- 3) the Russian period which began with the absorption of the Khakas into Russia, and, finally, the present period, characterised by the further development and consolidation of this ethnos under the name «Khakas».

In conclusion, the present day Khakas are very different from those of the Chinese chronicles, namely from the Kirghiz of the Kirghiz state.

V. Ya. Butanaev

© 1992 г., ЭО, № 2 И. Л. Кызласов

ОБ ЭТНОНИМАХ ХАКАС И ТАТАР И СЛОВЕ ХООРАЙ (ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ)

Обсуждение сложных вопросов происхождения ряда южносибирских этнонимов, устроенное редколлегией журнала, весьма плодотворно. Оно позволяет исследователям четко выявить свои позиции, сопоставить их с иными мнениями и, следовательно, побуждает к новым поискам. Именно этому, надеюсь, будут способствовать и мои строки, ибо многие высказанные оппонентами мысли недостаточно обоснованы.

Начнем с синологических аспектов дискуссии. Вполне понятно, что в вопросах исторической фонетики историки должны следовать за мнением китайцев. Однако, кого именно из них? Востоковедам хорошо известно, что китайцы не только не были, но и сегодня не являются сднoмышленниками при звуковом определении древних иероглифов. Эта ситуация отличает не только отечественную, но и западную китаистику: «Сами китайцы, — справедливо пишет крупнейший алтаист Г. Дерфер, — совсем не единодушны в вопросе о звуковом содержании знаков этого письма в древности (Г. Серрайс, Г. Халун, Б. Карлгрен толкуют китайское произношение не так, как Э. Пуллиблэнк, и все китайцы расходятся в этом вопросе друг с другом)»¹. Подчас не сходятся не только фонетические, но и хронологические определения бытования конкретных иероглифов. Так, С. Е. Яхонтов, как мы видели, полагает, что «иероглифы, которыми пишется слово *сяцзясы*, около 600 г. читались как *yat kat sie*», а Э. Г. Пуллиблэнк в

недавней работе пишет еще более определенно: «Трехсложные формы с китайским- *sz* для тюркского конечного-*z* появляются только с конца VIII века и позднее»². С. Е. Яхонтов утверждает, что «иероглифическое написание этнонима, о котором идет речь, транскрибируется сейчас как *сыцзясы*», а Э. Г. Пуллиблэнк — что «китайские транскрипции танского периода, которые ясно связываются с этим, есть *Xiajiasi...и Hegesi*»³.

Более серьезные расхождения имеются между мнениями С. Е. Яхонтова и выводами Н. В. Кюнера — единственного крупного современного китаиста, специально занимавшегося в отечественной синологии источниками по истории Южной Сибири. «Наименование хягясы,— писал Н. В. Кюнер,— по-видимому, не является транскрипцией имени кыргыз, для которого имеются более ранние транскрипции — *гйегу, гйегунь, гяньгунь*»⁴. Подобный вывод сделан исследователем и в отношении источников более позднего времени: «Хакасы и кэргизы в монгольскую эпоху XIII в. могли означать различные группы (части) одного и того же народа»⁵.

С. Е. Яхонтов всюду обходит вниманием труды Н. В. Кюнера. Между тем более строгий учет историографии обсуждаемой проблемы не только способствовал бы выявлению объективной картины формирования отрицаемых С. Е. Яхонтовым научных взглядов, но и, несомненно, уберег бы исследователя от ошибочных и, конечно же, небезобидных высказываний о неточном цитировании источников Л. Р. Кызласовым. При учете слов Н. В. Кюнера, относящихся к приводимому Л. Р. Кызласовым месту хроник: «Иакинф всюду употребляет в переводе это имя хягяс, тогда как в китайском тексте значитс^я государство Гян-Гунь (Цзяньгунь, и люди Гяньгунь (Цзяньгунь)»⁶, становится ясно, что при анализе источника историком была учтена поправка, внесенная почтенным китаистом.

Вряд ли случайно, что мнение Н. В. Кюнера по обсуждаемому вопросу нашло последователей в среде китаистов уже после публикации фонетических построений С. Е. Яхонтова⁷. Для понимания этого, быть может, действительно, достаточно обратиться к словарю — основополагающему труду Б. Карлгнера, лежащему в основе историко-фонетических поисков современных сиологов. Согласно ему, трехсложную запись древнего имени следует реконструировать как *ya-ka-si/ya-ka-zi*, даже в современном кантонском диалекте, сохранившем наиболее архаичные особенности звучания, иероглифы, составляющие слово *сыцзясы*, произносятся как *ha-ka-si (tsi)*⁸.

Историку, прежде чем отдать предпочтение одной из фонетических концепций, следует соотнести их положения с другими материалами. «Старая» школа транскрибирования верно передавала звучание ряда древних слов, записанных китайцами из языка хакасов. В передачах Н. Я. Бичурина, Н. В. Кюнера и других исследователей вполне узнаваемы древнетюркские слова *сол* — левый (в китайском — *со*), *ай* — месяц (*ай*), *мус* — лед (*меу-сзе*), *кам* — шаман (*гань*), название реки Енисей — *Кем (Гянь)* и т. д. С. Е. Яхонтов не говорит о том, как следует озвучить передающие эти слова иероглифы в соответствии с избранной им методикой. Однако в соответствии с ней он предложил ревизию титула государя, читавшегося предшественниками как *ажо/ажэ*, реконструируя его как *āṅag* или *āṅag (āṅāl)* и отождествляя с древнетюркским титулом *īnal*⁹. Эти построения оказались ошибочными. Китаисту осталось неизвестным, что слово *ажо* сохранилось в Южной Сибири до позднего средневековья и зафиксировано русскими источниками. Оно к тому же не тюркского, а самодийского происхождения и восходит к значению «отец» (*ассе*). Этот случай явно показывает, что транскрипции, предлагаемые «старой» школой, позволяют правильно узнавать заимствованные китайскими хрониками тюркские и самодийские слова, а метод С. Е. Яхонтова искажает их облик, в результате приходя в противоречие с историческими данными. Термин *īnal/ināl* и сам по себе никогда не мог быть титулом верховного правителя. Недоучет реалий сибирского прошлого имеется и в статье Э. Пуллиблэнка. Основываясь на заведомой тюркоязычности народа, он соотносит слово *jasha* — железо с древнетюркским *qaš* — драгоценный камень,

отказываясь от правильного сопоставления его предшественниками с *qasa*, по-самодийски означающим «железо»¹⁰.

Таким образом, очевидно, что метод фонетической реконструкции, предложенный С. Е. Яхонтовым, не единственный и не безупречный. Историк, стоящему перед выбором между двумя основными историко-фонетическими концепциями в синологии, вполне естественно предпочесть ту, при которой все заимствованные китайскими источниками слова южносибирского населения находят в равной степени убедительные соответствия. Нет оснований и вырывать из этого ряда слово *хакас/хагас*, как его передавали Н. Я. Бичурин, Н. В. Кюнер и иные исследователи.

Следующее положение С. Е. Яхонтова, расходящееся с моей точкой зрения («Ни в одном источнике, китайском или ином, названия *цзянькунь*, *цзегу*, *сяцзясы* не противопоставляются; напротив, обычно подчеркивается их однозначность»), полностью принадлежит к области исторических исследований. И первое, что не согласуется с утверждением С. Е. Яхонтова, это общеизвестное терминологическое противостояние ханьских и танских хроник. В последних появились новые транскрипции. Эта замена имени народа явилась загадкой не только для современных исследователей¹¹, но и для самих танских хронистов. В «Тан хуйяо» была предпринята попытка отыскать объяснение. Одна из предложенных там версий исходит из возможной неточности в передаче произношения чужеземцев, другая возводит новую форму имени к прозвищу, данному народу уйгурами. «Я не знаю, что правильно», — завершает древний автор. Ныне для нас особенно важно, что ханьские хроники приводят лишь варианты записи этнонима *кыргыз* (*гяньгунь*, *цзянькунь*, *гэгунь* и т. п.), а танские кроме этого слова (*цзяньгунь*) вводят до того неизвестное слово *хакас* (*хягясы*, *сяцзясы* и т. п.). В этом и состоит противоречие источников, еще в VIII—IX вв. породившее до сих пор продолжающуюся дискуссию. Моя точка зрения не отличается ни от взгляда автора «Таншу хэчао», писавшего, что «северные варвары в своем языке... сделали хакас», ни от позиции создателя «Тан хуйяо», утверждавшего, «что они сами имеют это название». Возник же этноним *хакас* — вновь следим за китайскими первоисточниками («Синь Таншу» и «Таншу хэчао») — после смешения кыргызов с динлинами¹².

Сложность исторической ситуации и состоит в том, что древние кыргызы и хакасы действительно являлись частями одного и того же народа. Между тем отсутствие полной тождественности исторических данных, относящихся к тем и другим, улавливается лишь при скрупулезном отношении к китайским или иным первоисточникам и комплексном подходе к выявлению древней истории¹³.

Перейдем к тюркологическому аспекту дискуссии. Реконструкция древнего этнонима в форме *хакас/хагас/хахас* есть результат влияния зафиксировавших его китайских транскрипций и позднего его производного — *хаас*. Хотя в рунических надписях отсутствие начального *х* можно объяснить особенностями графики, не приходилось настаивать на том, что начальный согласный был спирантом, он мог быть и *к* (Н. Ц. Мункуев предполагал исходное *гакас*, что тоже возможно, ср. *кахас* — подразделение у башкир). Однако следует помнить, что в тюркской речи уже в эпоху средневековья, как и ныне, начальный *х* довольно часто встречался в заимствованных словах¹⁴. Именно к последней лексической группе принадлежит самодийский по происхождению этноним *хакас*. Интервокальный согласный, о чем я писал, действительно, скорее мог быть звуком *ф*. Слово *хааш*¹⁵, при учете общетюркских тенденций развития согласных, выглядит более архаично, чем слово *хаас*. Следует, однако, помнить, что вплоть до утверждения хакасского литературного языка эти формы сосуществовали. Так, перебой согласных *ш/с* фиксируют словари XVIII в.¹⁶ К еще более ранней эпохе его можно отнести на основании облика этнонимов *хаасут/хаазут*, приобретших показатель множественного числа монгольских языков *ут*, т. е. сформировавшихся в период монгольского владычества в Южной Сибири (XIII—XVII вв.)¹⁷. Косвенные данные былого сосуществования форм *хаас* и *хааш*

предоставляет производное от них наименование *хасха* — результат слоговой метатезы¹⁸, для которого в XVIII в. известен и вариант *кашха*¹⁹. Форма *хасха* (в транскрипции Е. И. Кычанова *Хэ сыхэ*, в реконструкции В. Н. Казина *Хас-ха*) отмечается уже под 1293 г. в «Юань ши».

Слово *хаас*, как и его нестяженная форма *хакас*, имеет самодийское происхождение, ибо только в этих языках находит свою этимологию. Приходится учитывать не только собственно тюркские историко-фонетические явления, но и особенности восприятия иноязычной лексики. Можно проследить, что заимствованные двухсложные слова с конечным *ш/ч* не сохраняют этот звук в среде, где уже имеется конечное *с* как рефлекс древнетюркского *ш*. Там же, где речь сохранила в этой позиции *ш*, наблюдается переход конечного *с* в *ш*. Например, русское *калач* (хлеб) приобрело в сагайском диалекте и в литературном хакасском языке облик *халас*, а при переходе из сагайского в шорский диалект было превращено в *халеш*²⁰, т. е. конечное *с* было заменено *ш*. Это явление позволяет полагать, что самодийское по происхождению слово *кас/хаса* — человек, мужчина, как и самодийский этноним *хакас*, могли при проникновении в различную тюркоязычную среду Южной Сибири изначально приобрести два варианта, отличающиеся качеством конечного согласного. У нас нет данных для датировки процесса перехода древнетюркского конечного *ш* в *с*. В рунической письменности для передачи этих согласных применялись одни и те же буквы.

Имя *кыргыз* (*кыркыз*) 14 раз упоминается в памятниках орхонской письменности (КТб, 4, 14, 20, 35, 36; Тон 20, 27, 28, 29; Мог 26, 27; МЧ 22, 23)²¹. Эти тексты не противоречат тому, что кыргызы не были большим народом, а лишь являлись правящим родом Древнехакасского государства. Перевод слова *будун/будун* как «народ» не способствует пониманию всех деталей в содержании текстов, не раскрывает сложной истории самого этого слова. Первоначально обозначая полноправных рядовых членов общества — «мужчин» (ср. *беги* и *будун*), слово *будун/будун* в дальнейшем обозначало и «войско» (ср. о походе: «тюркский будун утомил ноги» — Мог 30), и «подданных» («мой собственный будун», «моим рабским будуном» — МЧ 33: «черный/простой будун»), и — лишь с учетом семантики вышеназванных слов — «народ», точнее, «население» (державы, страны, владения). *Кыркыз будун* — это население кыргызского каганата, кыргызские подданные (ср. о кыргызском правителе Барс-беге: *Будуны күүз кул болты* — «Его будун стал рабынями и рабами» — КТб 20), т. е. кыргызское владение, страна. В этом смысле употреблено слово *будун* и в перечне посольств (КТб 4). Не о «народе кыргыз», а о кыргызском войске, армии кыргызского кагана идет речь в текстах КТб 35 и Мог 27: *Кыркыз будуныг уда басдым* — «Поразил кыргызский будун, когда они спали». Весьма показателен и единственный случай употребления этнонима *кыргыз* в енисейском руническом тексте. Вопреки словам С. Е. Яхонтова, контекст Суджинской надписи прямо свидетельствует против того, что «подданные... „государства Хакас" в письменных текстах называли себя кыркызами». Руны гласят: «Ујгур јірінтә Јаглакар канта кәл (тiм) (?) кыркыз оҗы мән...» («В уйгурской земле, у яглакарского хана... я — сын кыргыза...»). Автор эпиграфии явно подчеркивает, что умерший не уступает по знатности династийному роду уйгуров — *яглакар*, ибо принадлежит к аристократическому роду *кыргыз*.

С. Г. Кляшторный и В. Я. Бутанаев предлагают мне обсудить этноним *татар* и слово *хоорай*. К сожалению, материалы о появлении владения «Дадань» в 1399 г. пока не опубликованы и нет возможности для их анализа. Однако ясно, что за 40 лет его существования (до 1439 г.) этноним *татар* не мог стать и не стал самоназванием многочисленного и этнически пестрого населения *Дадань* (кыргызов, ойратов, монголов)²². Не случайно, достигнув Енисея, русские сообщают о «Киргизской землице» и мелких местных этнонимах, среди которых нет *татар*. Это имя принесено и распространено по Сибири самими русскими и закреплено там административно. Поэтому слово *татар/тадар* встречается как самоназвание не только хакасов, но и всего тюркоязычного населения Южной

и Западной Сибири. Этноним стал известен русским в эпоху Золотой Орды и, закрепившись за тюркоязычным населением Поволжья, был затем, по принципу языкового сходства населения, распространен при движении на Восток (и Юг — см. официальные названия тюрков Северного Кавказа и Закавказья; затем был перенесен в языкознание, именовавшее все тюркские языки татарскими). Весьма показательно, что произошедший таким образом перенос имени одного народа на другие при отсутствии должного исторического подхода ныне приводит к неясностям, ошибкам и сложностям, вполне подобным тем, которые я указывал для этнонима *кыргызы*. Так, среди казанских татар встречается мнение о том, что сибирские татары — лишь ответвление их народа (с чем автохтоны Сибири согласиться не могут); другая часть поволжских татар, воспринимая этноним как результат монгольского нашествия, высказывается за полный отказ от него, предлагая именоваться *булгарами*. Аналогичная ситуация и с этнонимом *тюрк*. Такое самоназвание (*türk*) порождает у современных турок, в том числе и у ученых-тюркологов, представление об их этническом тождестве с древним народом, создавшим Тюркские каганаты, и со всеми другими тюрками — носителями тюркских языков (ср. термин недавней тюркологии: турецкие языки). Для различения исторических и языковых данных европейское востоковедение ввело и пользуется понятиями «оттоманские/османские тюрки/турки», хотя народа с таким самоназванием никогда не было²³ (ср. ситуацию с появлением выражения «енисейские кыргызы»).

Пожалуй, наиболее четко принцип историзма в понимании меняющегося содержания того или иного этнонима выражен в § 10 и 11 упомянутой работы Г. Дерфера, различавшего семь состояний имен: однозначные этнонимы; «этнические» наименования государств; «странствующие»; собирательные; переносные; чужие и случайно совпадающие названия. Полностью присоединяюсь и к общему выводу этого большого ученого: «Мы, современные европейцы, в общем привыкли к устоявшимся понятиям и к однозначным этнонимам (например, итальянец, грек, швед)... и мы слишком склонны к тому, чтобы во всех обстоятельствах оперировать только ими. Однако в древних (и не только восточных) источниках мы очень часто сталкиваемся с явлениями, которые отражены в менее устойчивых категориях»²⁴. Именно таковы имена *кыргызы*, *татар* и *тюрк*.

Перейдем к слову *хоорай/хорай*. Такого этнонима в Южной Сибири не было. Его не знают ни фольклор, ни письменные источники. В языке хакасского фольклора слово *хоорай* означает всю совокупность людей (в зависимости от контекста это может быть и все человечество, и люди, собравшиеся в одном месте). Сравним два отрывка сказания: *iki хорындас Ай Мичикен Кун Мичик: ...Аргалыг сынга сыгып//Тилекейин тизе корче//Толахайын отире корче* «(Витязь) На горный хребет поднявшись, // Небесную Вселенную насквозь видит, // Весь Земной круг насквозь видит»; а также *...Тилекейин тизе корче//Толай хориин*²⁵ *отире корче* — «Вселенную насквозь видит, // Всю массу (живущих на земле) людей насквозь видит»²⁶. Другой пример — описание конца свадебного пира: *Гостагызы тоозылча//Толай хорай, тарасча//Хазандагызы хахталча//Халых чоны таралча* — «То, что было на бересте, кончается»²⁷ // «Вся масса людей расходится» // «То, что было в котлах, кончается» // «Людская масса расходится». Стилистический принцип смыслового параллелизма, столь характерный для хакасского фольклора, позволяет, как видим, правильно понять содержание слова *хоорай*. Примеры, в которых В. Я. Бутанаев видит употребление этнонима, должны истолковываться и переводиться иначе, а именно: *Хоос полган малдын ээзи. хоорай полган чурттын ээзи* означает: «Хозяин многочисленного скота, хозяин многолюдного края»; *Хоорай чуртаан чир аймагында хомзынмин чуртаан чон чогул* переводится: «Где бы ни жил род человеческий — нет людей, живущих без печали»; *Хыргыстын тогыс мун толы хоорай чоны* — «Вся девятитысячная масса кыргызского народа»; *Тогыс харындас хыргыстан тогыс мун толы хоорай чон оксен* — «Вся девятитысячная масса народа произошла (букв. выросла) от

девяти братьев кыргызов»; *Тогыс пулуң толы хоорайда ноо-нине полбан* — «В девятиугольном мире людей чего только не бывает»²⁸.

Гипотеза В. Я. Бутанаева, очевидно, возникла, когда внимание исследователя привлекла фраза: «Вся масса девяти тысячного кыргызского народа»²⁹. По упомянутой в этой дискуссии ассоциации с отрывком из «Юань ши» слов *хоорай* было воспринято им как этноним. (Однако в источнике идет речь о создании девяти тысячных, административных единиц, управляемых тысячниками, а не девяти тысяч дворов, что признано и Е. И. Кычановым³⁰.) Между тем употребленное в фразе число «девять» скорее следует увязывать, как и в других фольклорных произведениях, с известной цифровой сакральной символикой (ср. и «девять братьев-кыргызов»). Тогда не возникает необходимости («из-за созвучия») возводить словосочетание *тогыс пулуң* (девятиугольный) к *тогыс муң* (девятысячный)³¹ — достаточно будет сравнить его с известными образами «9-угольной юрты» или «9-гранного железного столба» и т. п., являющимися фольклорными моделями мира³².

Позднее В. Я. Бутанаеву стало известно истинное значение слова *хоорай*³³, только что показанное мною. Что же помешало ему привести в соответствие с истиной свои первоначальные ошибочные толкования и переводы?³⁴

Этому помешало произведенное В. Я. Бутанаевым отождествление слова *хоорай* с топонимом Хонгорой, известным по трем русским источникам XVIII в. Основой послужили два обстоятельства: восприятие *хоорай* в качестве стяженной формы слова *Хонгорой* (*Хонгорай*) и мнение о том, что топоним обозначал территорию всей Хакасско-Минусинской котловины. Оба положения ошибочны. Во-первых, мне неясно, действительно ли в слове *хоорай* есть долгий гласный звук, ибо в фольклорных записях лингвистов Н. Ф. Катанова и О. В. Субраковой это слово отмечено как *хорай*. Во-вторых, казалось бы, благополучная для тюркских языков фонетическая ситуация с выпадением интервокального *ң/нг* (*Хонгорай* — *Хоорай*) совершенно не подходит к данному случаю. Источники фиксируют форму *Хонгорой* (не *Хонгорай* — после *р* звук *о*, а не *а*), т. е. при стяжении получится *хоорой* (не *хоорай*). Кроме того, если речь идет, как здесь, об основе слова (а не об изменении звуков под воздействием аффиксов), то появление стяженной формы есть замена в живой речи слова со старым нестяженным произношением на новое, другого фонетического облика. То есть бытование одной формы отрицает существование другой. По данным же В. Я. Бутанаева, обе формы бытуют одновременно (впрочем, это не мешает ему употреблять «позднюю» форму *хоорай* в отношении к XIV—XVI вв.). Но тогда выходит, что это два разных слова. Они и принадлежат даже к двум различным языкам. Топоним связан с кето- и самодоязычным населением. Данные Ф. И. Страленберга (*Honkoroi*) и П. Чихаева (*хонруи*, *хонру*), вероятно, связаны со словом *Хонгорой*, но тувинское *хоорай* по отношению к Присаянью (отмеченное Е. К. Яковлевым) восходит к русскому слову «город»³⁵, как тогда просто именовали единственный в тех краях город — Минусинск.

Письменные источники — русские переводы с маньчжурского языка — ясно указывают, что Хонгорой было названием только того урочища на правом берегу Енисея, где был сооружен в 1707 г. Абаканский острог («на урочищах Хонгороя русские люди поставили город», «высмотря на урочищах Хонгороя», «о деревянном русском одном городе, что построен на месте, которое близко Хонгороя разстоянием на одне только кормище (станцию) езды», «о построенном на Хонгора называемом месте... российском городе»). В эту местность, входившую в состав кыргызского Тубинского княжества, прикочевывали жители предгорий и хребтов Восточного Саяна — кыргызы, тофалары, моторы («оное Хонгорой место состоит во владении нашего бейлы... на нем кочуют и имеют промыслы наши есашные киргизы и урянхайцы», «тою де землю Хонгороя... киргизы, уранханя, моторы, они кочевали», «и тот Хонгороя... его киргис, уранхай, моторы, их кочевия», «моторы... с лишком 30 человек, на Хонгороя кочуют», «ваши русские гуна Басдак с товарищи на Хонгороя жителей из мотор, ясак берут и город строит», «Россия

ни к собранию... с гонгорских модор ... есака, ни к строению в тамошних местах своих городов права не имеет») ³⁶. По мнению Ф. И. Страленберга, в земле *Хонкорой*, которую он посетил, бывав в 1722 г. в Абаканском остроге, обитали самоедоязычные моторы (*Modur*). Возможно, топоним Хонгорой связан с названиями кетоязычных коттов и самоедоязычных койбалов (*konrojien*), отмеченными Г. Ф. Миллером и Ю. В. Клапротом ³⁷. Как бы то ни было, ясно, что слово *Хонгорой* не обозначает всей Хакасско-Минусинской котловины, не имеет отношения к ее тюркоязычному населению и не связано с хакасским словом *хоорай*.

Таким образом, утверждения В. Я. Бутанаева о том, что слово *хоорай* имело значение этнонима, способно лишь ввести в заблуждение (как это уже произошло с С. Г. Кляшторным). Особенно огорчительно, что распространению этого заблуждения может способствовать книга В. Я. Бутанаева, изданная Институтом этнологии и антропологии АН СССР в III выпуске «Материалов к серии „Народы Советского Союза“» ³⁸

Надеюсь, что состоявшаяся дискуссия убедительно показала, что сложнейшая проблема изменчивого исторического содержания этнонимов не может быть решена на материалах какой-либо одной науки — языкознания, филологии или истории, а требует тщательного анализа всей совокупности имеющихся данных. Основу подобного осмысления может создать лишь исторический подход к явлениям.

Примечания

- ¹ Doerjger G. Zur Sprache der Hunnen//Central Asiatic Journal. V. XVII. № 1. Wiesbaden, 1973. S. 6. Ср.: Дерфер Г. О языке гунов//Зарубежная тюркология. Вып. I. М., 1986. С. 76.
- ² Pulleyblank E. G. The Name of the Kirghiz//Central Asiatic Journal. 1990. V. 34. № 1—2. P. 98.
- ³ Ibidem.
- ⁴ Кюнер Н. В. Китайские историки-летописцы о хакасах//Зап. Хакасского НИИЯЛИ. Вып. 3. Абакан, 1954. С. 120, 121.
- ⁵ Кюнер Н. В. Восточные урянхайцы по китайским источникам//Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ. Вып. 6. Кызыл, 1958. С. 203.
- ⁶ Кюнер Н. В. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII—VIII вв. н. э./Зап. Хакасского НИИЯЛИ. Вып. 2. Абакан, 1951. С. 10.
- ⁷ Яхонтов С. В. Древнейшие упоминания названия «киргиз»//Сов. этнография (далее — СЭ). 1970. № 2. Ср. названные мною труды Н. П. Мункуева и В. М. Моржанова.
- ⁸ Karlgren B. Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese, P., 1923. P. 69, 124, 241, 242. № 136, 346, 807—811.
- ⁹ Яхонтов С. Е. Указ. раб. С. 119, 120.
- ¹⁰ Pulleyblank E. G. Op. cit. P. 105.
- ¹¹ Ibid. P. 103: «Хотя отождествление с Jiegu/Jiankun более ранних времен не было исследовано, несомненно, имеется некоторое смущающее обстоятельство в отношении этой замены». Ср. мнение Н. В. Кюнера.
- ¹² Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 350, 351; Кюнер Н. В. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов). С. 4, 14.; *его же*. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 281, 282.
- ¹³ См. специальные работы Л. Р. Кызласова: Кызласов Л. Р. К вопросу об этногенезе хакасов//Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ. Вып. VII. Абакан, 1959; *его же*. Взаимоотношение терминов хакас и кыргыз в письменных источниках VI—XII веков//Народы Азии и Африки. 1968. № 4; *его же*. Еще раз о терминах «хакас» и «кыргыз»//СЭ. 1971. № 4; *его же*. История Южной Сибири в средние века. М., 1984. С. 15—22, 29—32, 35—46, 52—68.
- ¹⁴ Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970. С. 98.
- ¹⁵ Утверждению В. Я. Бутанаева об этнониме *хааш* как о позднем лексическом заимствовании от русских, якобы исказивших таким образом слово *хасха*, противоречат приводимые им далее данные об ареале имени *хааш*.
- ¹⁶ Боргойков М. И. Источники и история хакасского языка. Абакан, 1981. С. 83.
- ¹⁷ Ср. подобную историко-фонетическую ситуацию: наличие формы канкас с конечным *с* в «Сокровенном сказании» (1240 г.), сопоставляемой С. Е. Яхонтовым с реконструируемой им формой канаш с конечным *ш*.

- ¹⁸ Боргояков М. И. О некоторых терминах, связанных с историей хакасов//Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ. Вып. VII. Абакан, 1959. С. 137; Кызласов Л. Р. Этнонимы хаас и хасха в хакасском//Сов. тюркология. 1990. № 5.
- ¹⁹ Боргояков М. И. Словарные материалы по хакасским диалектам XVIII в.//Диалекты хакасского языка. Абакан, 1973. С. 120.
- ²⁰ Межекова Н. Н. Шорский диалект//Там же. С. 51.
- ²¹ В данном случае мы применяем следующие сокращенные обозначения памятников: КТБ — Кюль-Тегина, большая надпись; Мог — Бильге-Кагана (Могиляна), Тон — Тоньюкука, МЧ — Моюн-Чура (цифра обозначает строку).
- ²² Бейшеналиев Т. О. Киргизы и Джунгарское ханство (XVII—XVIII вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. С. 9.
- ²³ Благова Г. Ф. О русском наименовании тюрков и тюркских языков. Композиты и становление тюркской этнолингвистической терминологии в русском языке//Сов. тюркология. 1973. № 4.
- ²⁴ Дерфер Г. О языке гульнов. С. 78—82.
- ²⁵ Хоршин — стяженная форма от *хорай*, возникшая при прибавлении падежного аффикса *-ин*.
- ²⁶ Благодарю О. В. Субракову за консультацию и предоставление записи сказания, сделанной ею в 1963 г. в бассейне р. Теи от Телчика Боргоякова 1890 г. рождения.
- ²⁷ Береста выполняла роль скатерти; хахталча — букв «вытряхивается».
- ²⁸ Разбираемые примеры исчерпывают фольклорные материалы, приводимые В. Я. Бутанаевым для подтверждения этнического содержания слова *хоорай*. Два последних выражения, приведенные мною для полноты картины, извлечены из его работ.
- ²⁹ Бутанаев В. Я. Об этногенетических связях хакасов с енисейскими кыргызами. По материалам хакасского исторического фольклора//Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979. С. 151.
- ³⁰ Кызласов Л. Р. О численности древних хакасов в IX—XI и в XIII веках//Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ. Вып. XII. Абакан. 1966. С. 152, 153. Прим. 5; *его же*. История Тувы в средние века. М., 1969. С. 165, 203.
- ³¹ Бутанаев В. Я. К исторической этнонимике хакасов. Термин «Хоорай»//Проблемы археологии и этнографии. Вып. III. Историческая этнография. Л., 1985. С. 26; *его же*. Этническая история хакасов XVII—XIX вв.//Материалы к серии «Народы Советского Союза». Вып. III. Хакасы. М., 1990. С. 18.
- ³² *Алыпты ныхахтар*. Абакан, 1951. С. 136, 221; Хара Хусхун. Абакан, 1974. С. 12.
- ³³ Бутанаев В. Я. К исторической этнонимике хакасов. С. 27, 28. Верный перевод фольклорного определения нечистой силы, имеющегося в статье (*толы хоорай сырайлы*) будет не с «хоорайским», а с «на всех людей похожим (антропоморфным) лицом».
- ³⁴ Даже текст одной и той же загадки (Алеайхча *kōgīstig*, ал хоорай *unnig*) трактуется исследователем то вполне верно: «Величиной с котелок, но голос слышен всему миру» (Бутанаев В. Я. К исторической этнонимике хакасов. С. 28), то ошибочно: «Величиной с котелок, но голос на весь Хоорай» (Бутанаев В. Я. Этническая история хакасов XVII—XIX вв. С. 17).
- ³⁵ Тувинско-русский словарь/Под ред. Тенишева Э. Р. М., 1968. С. 483.
- ³⁶ Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. I. М., 1978. С. 105, 106, 129, 432.
- ³⁷ Вернер Г. К. Коттский язык. Ростов-н/Д, 1990. С. 321, 323.
- ³⁸ Бутанаев В. Я. Этническая история хакасов XVII—XIX вв.

On the Ethnonyms «Khakass» and «Tatar» and Word «Khoorai»

Sinologists define in various ways the sound meanings of the same ancient hieroglyphs. The chronicles of the Han epoch, in their variations of the Yenisei basin use the name «Kirghiz» whereas the documents of the Tang epoch add the name «Khakass». The latter is not the transcription of the name «Kirghiz», but denotes all the population subordinated to the ruling clan «Kirghiz». This difference accounts for the appearance of the two ways of naming the same people in Tang sources. The Kirghiz have been an aristocratic but not numerous people on the Yenisei river from ancient times till the XXth century. The name referring to the people as «Khakass» was still commonly used. «Qirqir bodun» in the Runic inscriptions means «the population of the Kirghiz state, «Kirghiz army». The ethnonym «Tatar» was brought to Southern Siberia by the Russians, who used it to indicate all the Turkic speaking populations. The word «khoorai» means only «mass of people» or «mankind». The toponym «khongoroi» is not connected to this word. It was only the name of the locality on the right bank of the Yenisei river where the Abakan fortress had been built (Krasnoturinsk at present). Finally, this toponym might have been connected to the names «kotts» and «koibals» («konrojcien»)

I. L. Kyzlasov